

Второй том серии «Достоевский. Материалы и исследования» построен по тому же плану, что и первый. Он состоит из четырех разделов: «Статьи», «Сообщения», «Из научно-литературного наследия» и «Публикации».

От имени Редаклегии Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского выражаю авторам настоящего сборника благодарность за присланные в дар статьи.

Ссылки на произведения Достоевского даются по изданиям: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Т. 4—12. Л., 1972—1975 (при цитатах указываются арабскими цифрами и том, и страницы); Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений. Т. VII—X; XI, XII (Дневник писателя); XIII (Статьи). М.—Л., 1926—1930 (при цитатах указываются римскими цифрами том, арабскими — страницы). Письма цитируются по изданию: Достоевский Ф. М. Письма. Т. I—IV. М.—Л., 1928—1959 (при цитатах: П., том (римская цифра), страница (арабская)).

Переводы статей К. Штедже (с нем.), Р.-Л. Джексона, Р. Нойхойзера (с англ.) выполнены соответственно Л. В. Славгородской, В. Д. Раком, А. А. Долиным.

В редакционно-технической работе над подготовкой рукописи настоящего тома к печати ближайшее участие принимала Г. В. Степанова.

Редактор II тома

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Г. К. ШЕННИКОВ

МЫСЛЬ О ЧЕЛОВЕКЕ И СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА У ДОСТОЕВСКОГО

Хотя исследователи признают доминирующую роль рационального начала в поэтике Достоевского,¹ философская мысль писателя еще плохо изучена как формообразующий фактор, как структурная основа композиции, характера, системы персонажей в его произведениях.

И пробел этот не случаен: ученых пастораживает отвлеченный, религиозный характер многих суждений Достоевского о человеке. Недоверие к антропологии писателя идет от укоренившегося заблуждения,* будто для Достоевского-философа важнее всего неизменность основных начал человеческой природы — априорных, сверхъестественных, «неисследимых законов человеческого духа». Однако даже в известных «итоговых» формулах писателя о «вечных свойствах» человека звучит убеждение в том, что сами свойства эти далеко не выявлены, не установлены, не исследованы наукой и искусством: «Ясно и понятно до очевидности<...> что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательных...» (XII, 210); «Трудно представить себе, чтобы она (наука, — Г. Ш.) уже настолько знала природу человеческую, чтоб безошибочно установить высшие законы общественного организма» (XI, 228). И в художественных произведениях Достоевского родовая природа человека никогда не берется как исходная точка отсчета, как некий сконструированный умозрительно эталон. Она искомое, проблема, объект исследова-

¹ См.: Мейлах Б. С. 1) Талант писателя и процессы творчества. Л., 1969, с. 189—304; 2) О художественном мышлении Достоевского. — Вопросы литературы, 1972, № 1, с. 89—104.